

Д.Б. Цыганков (Центр оценки регулирующего воздействия ВШЭ): Многие знают: почти неделю назад в этом же зале была очень эмоциональная дискуссия по концепции нового закона госзакупках. Эту дискуссию Я.И. Кузьминов завершил словами, что одна из самых больших проблем – это большое недоверие бизнеса к власти, граждан между собой, людей к государству. Мое ощущение из чтения обеих представленных сегодня бумаг, что по-прежнему, даже в экспертных текстах, заключается воинственная риторика относительно роли государства. Например, мол, оценку регулирующего воздействия надо сделать «в нормальном, а не в кастрированном виде» или «голос бизнеса более значим, чем голос государства» или «консервативный вариант – в интересах чиновников, а прогрессивный вариант – в интересах граждан и бизнеса».

Стоило бы попробовать сменить экспертную парадигму, связанную с неолиберально заточенным дерегулированием – «государство, вон с рынка!», перейти к более кооперативным и технократическим моделям, тем более что опыт есть и на Западе (кстати, современное smart regulation включает наиболее практичные ходы из политики дерегулирования). Может быть, действительно – как говорил А.А.Яковлев – выделить несколько приоритетных направлений, по которым можно достичь быстрого успеха, но не только с точки зрения роста ВВП или повышения конкурентоспособности, но и с точки зрения повышения доверия. И в этом смысле регуляторика, публичные консультации, обсуждение законопроектов на уровне их подготовки – были бы замечательной возможностью продемонстрировать эти успехи, и на федеральном, и на региональном уровне.

Правильно назывался пример Мексики; есть еще несколько стран, в которых создавались такие рабочие органы при правительстве – по дерегулированию, по де бюрократизации, расчистке правового поля от устаревших и неэффективных норм, и они, соответственно, способствовали росту и инвестиционной привлекательности. Может быть, если не совсем уместно называть здесь примеры стран ОЭСР – Швеции (Regelradet), Великобритании (RPC), Германии (NKR) и Нидерландов (ACTAL). Но вот в Эстонии тоже значительные успехи, по жю лку там ОРВ возведена на уровень канцелярии правительства, а не на уровне департамента какого-то министерства. Возможно, что департамент ОРВ российского Минэкономразвития со временем может вырасти в такой рабочий орган. Собственно в Мексике за четыре года и произошло: от департамента Минпромторга (создан в 1996 г.) до нынешней Комиссии по Улучшению Регулирования (COFEMER), которая уже с 2000 г. успешно работает. Это первый момент, который я хотел отметить.

И второй момент: я бы предложил все-таки подумать – стоит ли обращать в наших разработках такое внимание на снятие существующих барьеров, если мы теряем обзор механизмов принятия решений, т.е. «мест», где барьеры возводятся. Нам необходимо предложить инструменты рефлексии и доказывания органам-разработчикам проектов НПА, что это регулирование нужно. Положим, снесете вы барьеры, скажем, уберете вы там лицензии. Так за пару лет выстроят другие барьеры, так и будем ходить по кругу: усилить контроль на входе, но уменьшить надзор-контроль либо облегчить вхождение, но ужесточить надзор. И по этому кругу мы ходим как минимум лет десять. Что же, из нашей работы выйдет реинкарнация программы дерегулирования им. Центра стратегических разработок-2000? А ведь недаром та реформа, мягко говоря, не совсем получилась. Может, попробуем сменить все-таки идеологическую парадигму?